

Наташа Узер-Герцен: «Среди потомков Герцена - инженеры, архитекторы, врачи» | Natasha Huser-Herzen: "Among Herzen`s descendants there are engineers, architects, and doctors"

Автор: Людмила Клот, [Женева](#) , 04.04.2012.

Наташа Узер-Герцен выучила русский только перед пенсией, по своей инициативе (© Nasha Gazeta.ch)

6 апреля – двухсотлетний юбилей писателя, публициста и философа Александра Ивановича Герцена. В Швейцарии у человека, разбуженного декабристами, родилось

десять внуков, и сегодня потомки носят его фамилию и хранят его память.

The 6th of April is the bicentennial of the Russian writer, philosopher, essayist - Alexander Ivanovich Herzen. Ten of his grandchildren were born in Switzerland. Today they carry his name and protect his heritage.

Natasha Huser-Herzen: "Among Herzen`s descendants there are engineers, architects, and doctors"

Родившись в 1812 году в Москве, он провел много лет в европейском изгнании, скончался в 1870 году в Париже, а похоронен был в Ницце. Вымышленная фамилия Герцен - «Herzen», что должно было означать «сын сердца» российского помещика Ивана Алексеевича Яковлева и привезенной им из заграничного путешествия 16-летней возлюбленной, немки Генриетты-Вильгельмины-Луизы Гааг - сохранилась не только в литературе, но и в жизни. Многочисленные потомки Александра Ивановича Герцена живут сегодня в разных странах, а одна из ветвей семьи - в Швейцарии.

Мы встретились с пра-пра-правнучкой писателя Наташей Узер-Герцен, преподавательницей французского языка на пенсии. Вместе с супругом-архитектором она живет среди виноградников в деревне Рива над Веве и бережно хранит память издателя «Колокола», некогда самого прогрессивного журнала на русском языке.

Наша Газета.ch: Наташа, расскажите, когда впервые Вы узнали о своем знаменитом предке, русском писателе и философе?

Наташа Узер-Герцен: Знала всю жизнь, сколько себя помню - в доме о том, что история семьи идет от Александра Герцена, напоминало множество объектов, картин, статуэток, одним словом, нас всех окружала масса свидетельств его существования. Повзрослев, я начала читать его произведения, из которых больше всего люблю, конечно же, автобиографические, «Былое и думы».

Но окончательно приблизила меня к нему не семья, а замечательная женщина, хранительница музея Герцена в Москве (по адресу: переулок Сивцев Вражек, 27) Ирина Желвакова. Она стояла у истоков появления этого музея в 1976 году. Никто больше нее не сделал для сохранения творческого наследия Герцена и возвращения его в Россию! Ирина Желвакова связалась с семьями всех потомков Герцена, посещала их в США, Франции, Швейцарии, собирая документы и воспоминания. Мой отец отдал для музея большую картину, символически изображающую «Колокол», и

гипсовый бюст Герцена работы его дочери Наташи. Благодаря Ирине мы лучше узнали собственную семью. Она много раз была у нас в гостях и стала настоящим другом семьи, моего мужа она называет в письмах Бернардином.

В свое время правительство Советского Союза запросило разрешения перенести прах Герцена на родину, чтобы перезахоронить его в Москве, но мы отказали. Тогда в Ниццу приехала советская делегация, посетила его могилу и торжественно захватила с собой горсть земли. Нам показалось, что это была по-своему забавная и не совсем понятная акция, но если кому-то нужна земля с могилы Герцена – почему бы и нет?

Мне всегда казалось фальшивым официальное восхищение им в СССР. Ведь Герцен никогда не выступал за революцию, во всяком случае, в том ее кровавом радикальном виде, в котором она была реализована. Он обличал несправедливость, самодержавие, угнетение человека, выступал за свободу и социальное равенство. Но впоследствии он же вступил в конфликт с новым поколением экстремистов, призывавших к терактам и к государственному перевороту. Мне думается, Александр Герцен по своим взглядам даже гораздо ближе к современной России, чем к той, в которой пытались построить коммунизм.

Наша Газета.ch: Впервые Герцен оказался связан со Швейцарией, потому что здесь учился его сын Коля....

Наташа Узер-Герцен: Коля Герцен был глухим, но при этом очень умным, одаренным ребенком. И в каком-то смысле благодаря ему семье Герцена удалось покинуть Россию: Александр Иванович находился в конфликте с царской властью, так что его отъезд из страны напоминал бегство. Чтобы найти легальную причину для эмиграции, он обратился за дозволением поместить сына в самую лучшую в Европе специализированную школу для обучения глухонемых в Цюрихе. В 1851 году Коля вместе со своей бабушкой, матерью Герцена, погиб при крушении корабля под Ницей. Это стало одним из звеньев в цепочке личных трагедий писателя.

Герцену, к сожалению, пришлось пережить слишком много смертей близких. Умерла в четвертых родах его первая жена, его кузина и такая же, как он, внебрачная дочь Наталья Захарина. Все трое дети его от второй жены, Натальи Тучковой-Огаревой, тоже умерли, не повзрослев: от дифтерита погибли трехлетние близнецы Елена и Алексей («ночь 4 декабря я вспоминаю как самый страшный момент моей жизни», - писал Герцен позже Николаю Огареву). Дочь Лиза покончит с собой в 17, через пять лет после смерти отца.

Наша Газета.ch: Имя Герцена в Швейцарии связывают с Женевой и Фрибургом.

Наташа Узер-Герцен: В 1849 году Герцен из-за своих вольнодумных публикаций стал нежелательной фигурой в Париже, а, кроме того, оказался без паспорта: к тому времени Россия лишила его гражданства и конфисковала земли его матери. Герцен дружил с влиятельным и прогрессивным политиком Женевы Джеймсом Фази, но и тот не смог ему помочь: в Женеве уже было слишком много иностранцев... Зато другой друг Герцена, доктор Карл Фогт (НГ: он же - лучший швейцарский друг анархиста Михаила Бакунина), знал одного влиятельного политика из Фрибурга, который знал еще кого-то...

Наша Газета.ch: Одним словом, Герцен «по блату» смог получить швейцарское гражданство?...

Наташа Узер-Герцен: Его согласилась принять, за денежное вознаграждение, в свои члены община Шатель (сейчас она называется Бург) возле Муртена. Эпизод этот с большим юмором Герцен сам описал в «Былом и думах».

«...мы отправились с добрым старичком, канцлером Фрибургского кантона, в Шатель... Возле дома старосты ждали нас несколько пожилых крестьян и впереди сам староста, почтенный, высокого роста, седой и хотя несколько сгорбившийся, но мускулистый старик. Он выступил вперед, снял шляпу, протянул мне широкую сильную руку и, сказав: «Lieber Mitburger», произнес приветственную речь на таком германо-швейцарском наречии, что я ничего не понял».

Герцен вспоминает дальше, как произнес ответную речь с благодарностью народу, который принимает под свой кров беглеца от «свирепого самовластья». А затем староста угостил писателя таким крепким вином, что всю обратную дорогу, несмотря на дождь, тот проспал. С тех пор Шателя он больше никогда не видел.

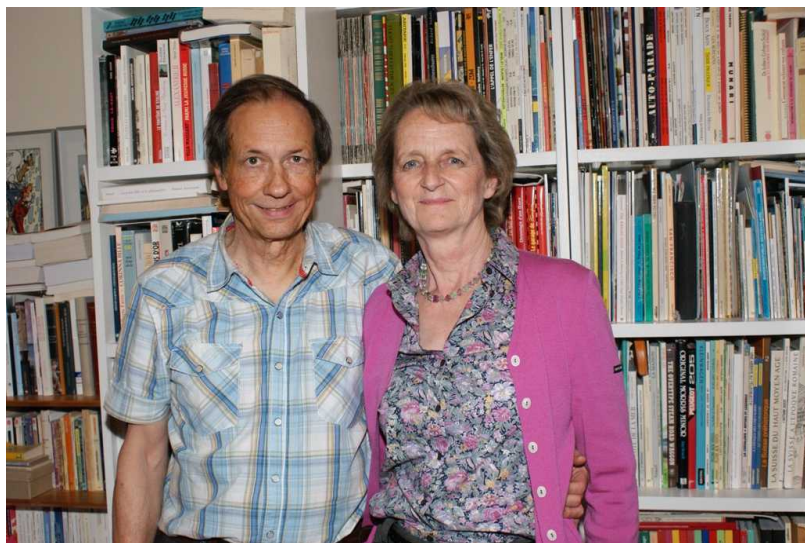
Наша Газета.ch: Со швейцарским паспортом Герцен в 1856 году уехал в Лондон издавать «Колокол».

Наташа Узер-Герцен: Совершенно верно, там он и познакомился с женой своего лучшего друга Николая Огарева, которую звали тоже Наташей. Наталья Огарева-Тучкова стала его второй, поначалу тайной, женой. Герцен влюбился в нее, встретив ее в сложный момент, после смерти первой жены, с которой ему тоже пришлось несладко – она покидала его, увлекшись немецким поэтом Герингом. Наташа Тучкова была сложным человеком, страдала от депрессий, везде ей не нравилось – из Лондона она стремилась в Европу, здесь скучала по России.

* * *

Печатавшийся в лондонской типографии «Колокол» был очень популярен. В лучшие годы его тираж достигал 3 тысяч экземпляров, а с допечатками самых популярных номеров доходил и до 4,5-5 тысяч – что практически соизмеримо с ведущими газетами Российской Империи той эпохи. А его издатель, могучий Искандер (так называли Герцена) – был властителем дум. Со временем его успех уменьшился, да и

английское правительство уже не слишком поддерживало опального русского издателя.

Перенос издания «Колокола» из Англии в Швейцарию стал делом решенным в 1864 году. С 1865 по 1870 годы, до своей смерти, Александр Иванович Герцен жил в Женеве. Город этот он не особенно любил, не находя в нем ни уюта, ни покоя, ни вдохновенья. Слишком много споров с представителями молодой русской эмиграции, страстей, непонимание семьи, вынужденная экономия (к концу жизни очень щедрому сыну помещика, раньше никогда не экономившему ни на революции, ни на себе, пришлось научиться прижимистости). Да и попытка заставить «Колокол» звучать на всю Россию из Женевы оказалась неудачной – к тому моменту властителями умов российского прогрессивного общества становились революционеры куда более радикальные, чем Герцен с Огаревым.

Наша Газета.ch: Складывается впечатление, что в роли отца Герцен был довольно хаотичен.

«Тогда считалось, что воспитание - это прерогатива женщин, - смеется **Бернар Узер**, муж Наташи. – Это сегодня отец и поесть приготовит, и в школу отведет. А мужчины 19 века просто не знали, что делать с детьми».

Наташа Узер-Герцен: К Герцену в дом

приходило множество посетителей, жил он как литератор, никакого режима у детей не было. Поэтому в лондонский период воспитанием девочек, подростка Наташи и маленькой Ольги, занималась баронесса Мальдива фон Мейзенбург – друг семьи, которая увезла впоследствии Ольгу во Флоренцию. Там был и климат лучше, и стресса меньше. (К тому же, баронесса не говорила на русском, а с появлением в доме Натальи Огаревой-Тучковой отношения стали напряженными). Во Флоренции учился и сын Герцена Александр.

Баронесса Мальдива была просвещенной женщиной своего времени, дружила с Вагнером, Ницше, Роменом Ролланом, увлекалась педагогическими идеями. Писатель переживал, что младшая дочь не говорит по-русски, видел он ее мало, зато всю жизнь писал детям письма, воспитывая на расстоянии.

Наша Газета.ch: *Выходит, теоретик свободы совершенно не умел «разруливать» семейные проблемы...*

Наташа Узер-Герцен: Да, личная жизнь Герцена была грустной и сильно запутанной. Много лет подряд в обществе считали, что Наталья Тучкова продолжает оставаться женой Огарева, тогда как она жила с Герценом. И детям открыли тайну, кто на самом деле чей отец, только когда они уже подросли. Старшие дети Герцена не любили Тучкову-Огареву, она, в свою очередь, не выносила новую спутницу Огарева, английскую танцовщицу Мэри Сазерленд.

Несмотря на то, что он был обеспеченным человеком, Герцен так и не смог осуществить свою мечту жить под одной крышей одной большой семьей с родственниками и друзьями. Все они то и дело переезжали между Англией, югом Франции и Парижем, Швейцарией, Флоренцией. Чаще всего он с женой и детьми оказывался в разных городах и домах, а самой надежной для него оставалась дружеская связь с Огаревым и его семьей.

В Женеве Герцен останавливался вначале в квартире на улице Монблан, затем в гостинице «Де Берг», с ним обычно жила его повзрослевшая дочь Наташа. Одно время он арендовал как дачу Дворец Буассьер, где сейчас находится Международная школа, тогда его большая семья собиралась вместе на каникулы. В 1868 году Герцен снял на лето исторический замок Пранжен на берегу Женевского озера, и вся семья провела целый месяц там. Приехал и Александр с молодой женой Терезиной. Это и была последняя встреча Герцена с детьми перед его кончиной в январе 1870 года.

Наша Газета.ch: Вы принадлежите к швейцарской ветви наследников Герцена и даже носите фамильное имя Наташа. Расскажите поподробнее о его потомках в Швейцарии.

Наташа Узер-Герцен: Мой пра-пра-пра-прадед Александр Герцен, старший сын писателя, учился в Италии, стал профессором физиологии и с 1881 года преподавал в Университете Лозанны. Он женился на итальянке Терезине, у них родилось десять детей: семь сыновей и три дочери. Александр был исключительно ответственным и заботливым отцом, и для него было важно, чтобы все дети получили прекрасное образование и профессию (правда, тогда профессия была только у мужчин). Расскажу, что знаю, об их судьбе:

Владимир – врач, работал для султана Марокко;

Алексей – инженер в Италии;

Пьер – врач-онколог, он уехал работать в Москву, там женился, а его дети впоследствии эмигрировали в США, где сейчас живет целая ветвь семьи Герценов;

Ольга – о ней мне известно, что у нее не было детей;

Николай – профессор римского права в Лозанне;

Ирина – вышла замуж и жила в Германии;

Хуго – инженер в Германии;

Нелла – вышла замуж за врача из Лозанны, у нее было много потомков;

Эдуар – химик, преподаватель в Брюсселе в Институте имени Солвея.

Эдуар, самый младший из детей Александра Герцена, стал моим пра-дедушкой. Он изучал химию и физику, работал в Бельгии в институте имени Сольвея, участвовал в научных конференциях с Марией Кюри, Эйнштейном и Огюстом Пикаром из знаменитой швейцарской династии исследователей.

Сын Эдуара Серж тоже избрал профессию химика, но вернулся жить в Швейцарию. Серж проводил каникулы у бабушки с дедушкой в Вале, очень любил горы и увлекался альпинизмом. Поэтому он поселился в районе Женевского озера, много лет работал в компании Nestlé. Мой дед очень хорошо писал, был автором многих статей и научных описаний продуктов пищевого концерна, впоследствии возглавлял «Фонд Nestlé против голода».

Его сын, мой отец Мишель, стал архитектором. Родители жили в Блонэ, но шесть лет отец проработал в Аргентине, где родились и мы с братом. В тот момент, когда меня, новорожденную, регистрировали в книге записи актов гражданского состояния, имени Наташа никто в Аргентине не знал, поэтому записывать меня под ним категорически отказались. Так что по документам я Наталия, но все зовут меня Наташей, даже преподавала я под этим русским именем.

Наша Газета.ch: Интересно было бы больше узнать о том, как сложилась жизнь Наташи Герцен, дочери писателя.

Наташа Узер-Герцен: Наташа, или, как ее называли дома, Тата, была очень эмоциональной натурой. После того, как ее соблазнил Нечаев (у Герцена и Огарева были конфликты с этим революционером), она так и не создала собственной семьи, посвятив себя сохранению творческого наследия отца. Одно время Тата жила вместе с сыном своего брата, Николаем Герценом. Николай был блестящим профессором, преподавателем права в университете Лозанне. Он стал жертвой трагического несчастного случая: прямо в ночь после его свадьбы у них в доме произошел взрыв, неполадки с обогревательной системой – его жена погибла, а он стал инвалидом, потеряв возможность ходить. Тата поселилась с ним в одном доме и несколько лет за ним ухаживала. Николай передвигался в инвалидном кресле, так и преподавал, студенты его очень любили. Затем он женился во второй раз, а Наташа сняла квартиру в очень современном тогда доме Блан-Кастель на авеню Флоримон в Лозанне. После смерти брата Саши в 1906 году к Тате переехала его жена Терезина.

Тата Герцен всегда оставалась центром семьи. Она хранила все бумаги отца и множество его личных вещей. Она умерла в почтенном возрасте в 1936 году.

А младшая дочь Герцена Ольга прожила до 103 лет! Она скончалась в 1953 году. Ольга совершенно оторвалась от России – она была очень счастлива в браке с известным французским историком Габриэлем Моно, все ее потомки настоящие французы.

* * *

Герцен, совместно с Огаревым, управлял Фондом Бахметьева. Бахметьев – таинственный молодой человек, вручил им в 1858 году некую крупную сумму, свое наследство «на революцию», уехал строить социализм и навсегда пропал. Герцен положил деньги в банк Ротшильда под проценты и впоследствии отражал множество атак энергичных молодых людей из тех, кого он называл «неотесанными революционерами». Один из них, Сергей Нечаев («нечаевщине» посвящен роман Достоевского «Бесы»), доведет до нервного расстройства Наташу Герцен, а после смерти писателя будет даже угрожать его семье.

После смерти отца Александр Александрович Герцен не захотел заниматься революционной публицистикой и расширять, как хотел того писатель, русскую типографию. Посоветовавшись с членами семьи, он приехал в Женеву и вручил Огареву и Бакунину остатки Бахметьевского фонда, хранившиеся у Герцена: 10 тысяч франков. Те напечатали листовки, призывавшие Русь к топору. Деньги быстро улетучились... Тогда они решили обманом вовлечь в революционное дело дочь Герцена Наташу, чтобы выманить у нее часть наследства отца. Нечаев бомбардировал эмоциональную девушку признаниям в любви и поручал ей «тайные миссии», пока не довел до психического расстройства. Нечаева вскоре арестовали в Цюрихе и выдали российским властям – один из редких случаев, когда Конфедерация вмешалась в истории «русских бомбистов» и действовала на стороне царя. Этот экстремист умер несломленным после десятилетнего заключения в одиночке Алексеевского рavelина Петропавловской крепости.

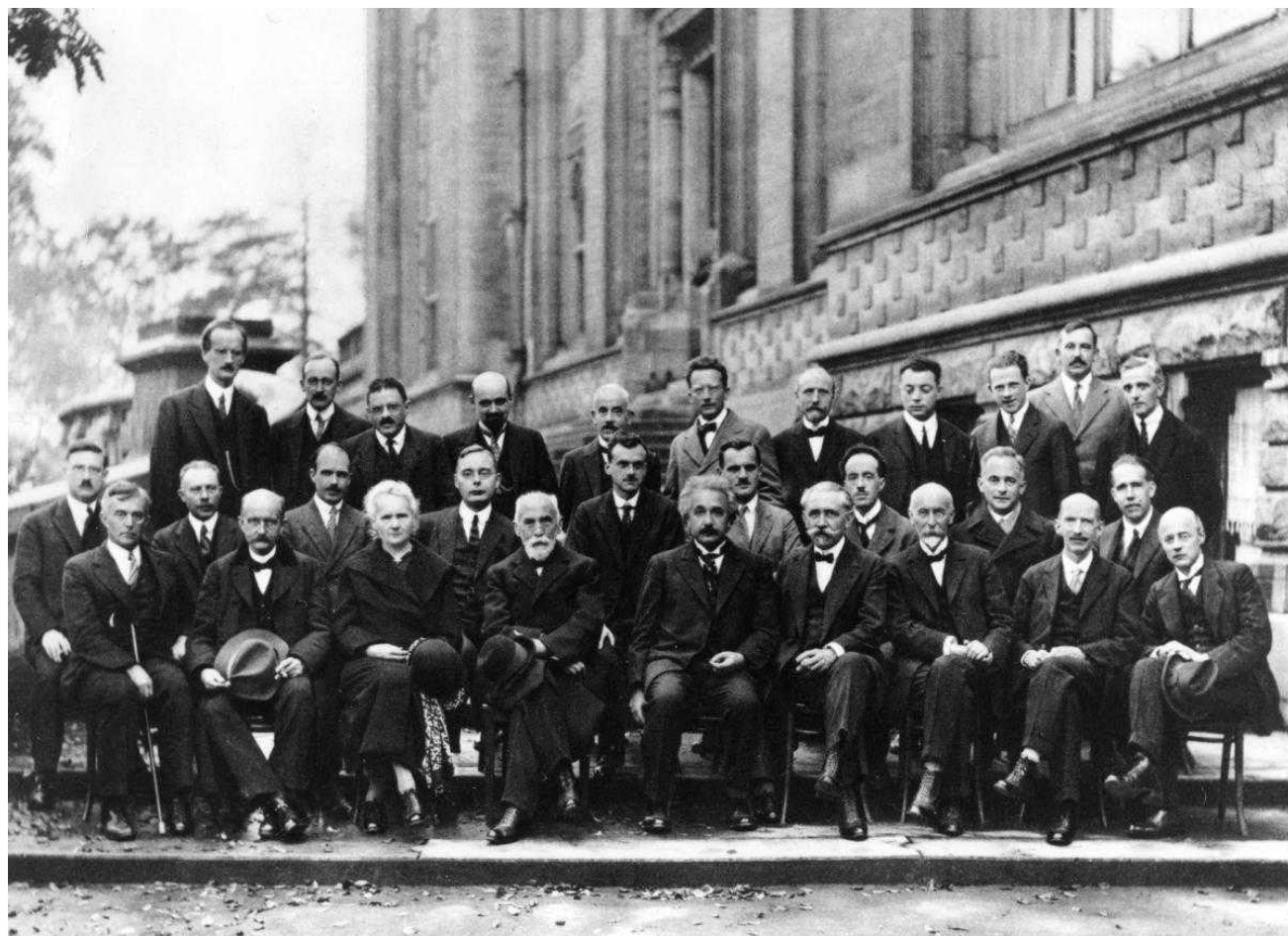
Александр Герцен-младший так никогда и не побывал в России. Когда в молодости он намеревался совершить эту поездку, то обратился за документами в Российское

консульство. Там, на вопрос, как он относится к идеям Александра Ивановича Герцена, юноша прямо заявил: «Полностью поддерживаю». Въезд в Россию ему запретили как неблагонадежному.

Наша Газета.ch: А как у потомков Герцена обстоит дело с русским языком? Есть ли среди них профессиональные литераторы, философы, поэты или хотя бы журналисты?

Наташа Узер-Герцен: К русскому языку я сама пришла поздно – ведь дома на протяжении нескольких поколений он был утрачен. Уже ближе к пенсии изучала русский на курсах в Лозанне, могу читать, понимаю и немного говорю. Наша младшая дочь им не интересуется, она преподаватель французской литературы. Зато по собственному желанию выучила русский и пользуется им на работе старшая дочь, Дельфин! Но она-то как раз не литератор. Дельфин – финансист, трудится в банке в Женеве и по делам часто бывает в Москве и Санкт-Петербурге.

Мой брат Мишель, архитектор, русского не знает. Как и остальные члены нашей многочисленной семьи в Швейцарии и в Европе. Среди представителей американской ветви семьи Герцена в Америке есть те, кто говорят по-русски. Интересно, что его потомки чаще всего – представителей технических и научных профессий, инженеры, архитекторы, ученые, юристы, преподаватели, но при этом ни один, насколько я знаю, не зарабатывает на жизнь литературным делом. Со всеми нашими дальними родственниками, потомками писателя, мы увидимся 7 апреля в Москве, когда соберемся на празднование 200-летнего юбилея Александра Герцена в музее его имени.

[герцен](#)

Source URL: <https://nashgazeta.ch/news/13203>